

*Эта книга посвящается
Изабель Туй Вудс Роган*

Eugene Rogan

THE FALL OF THE OTTOMANS

The Great War
in the Middle East,
1914–1920

ALLEN LANE
an imprint of
PENGUIN BOOKS

Юджин Роган

ПАДЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Первая мировая война
на Ближнем Востоке,
1914–1920

Перевод с английского

Москва
2018

УДК 94(560)
ББК 63.3(53)6
P59

Переводчик Ирина Евстигнеева
Научный редактор Артем Космарский
Редактор Наталья Нарциссова

Прессфилд С.

P59 Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920 / Юджин Роган; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2018. — 559 с.

ISBN 978-5-91671-762-4

В 1914 году европейские державы неумолимо сползали к войне, затягивая с собой в воронку этого разрушительного конфликта весь Ближний Восток. В своей книге Юджин Роган представляет историю Первой мировой войны, раскрывая последствия, к которым она привела на Ближнем Востоке, и ту решающую — но малоизвестную у нас — роль, которую сыграл в ней регион. Известный британский историк живо и увлекательно рассказывает о политических интригах и военных баталиях, развернувшихся на османских землях от Галлиполийского полуострова до Аравии. В отличие от окопной войны на Западном фронте, на Ближнем Востоке боевые действия носили динамичный и непредсказуемый характер. Прежде чем военная фортуна повернулась лицом к державам Антанты, турки нанесли им сокрушительные поражения на Галлиполийском полуострове, в Месопотамии и Палестине. Послевоенное урегулирование привело к разделу Османской империи и заложило основу тех непримиримых противоречий, которые по сей день раздирают арабский мир. Эта книга обязательна к прочтению всем, кто хочет понять историю Первой мировой войны и феномен сегодняшнего Ближнего Востока.

УДК 94(560)
ББК 63.3(53)6

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© Eugene Rogan, 2015
The moral right of the author has been asserted

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2018

ISBN 978-5-91671-762-4 (рус.)
ISBN 978-1-846-14438-7 (анг.)

Соодержание

Примечание для читателя.....	7
Предисловие.....	9
Карты.....	17
1. Революция и три войны 1908–1913 гг.....	25
2. Мир перед Великой войной.....	59
3. Всех под ружье.....	87
4. Открыть огонь!.....	113
5. Провал джихада.....	141
6. Битва за Дарданеллы.....	175
7. Уничтожение армян.....	209
8. Триумф османов на Галлиполи.....	237
9. Месопотамская кампания.....	273
10. Осада Эль-Кута.....	303
11. Арабское восстание.....	341
12. Утрата территорий.....	383
13. От перемирия до перемирия.....	433
Заклучение.....	467
Благодарности.....	493
Примечания.....	497
Предметно-именной указатель.....	551

Примечание для читателя

В начале XX века Османскую империю по сложившейся традиции называли Турцией. Однако это название игнорировало этническое и религиозное многообразие империи, где арабы, курды, греки и армяне составляли такую же значимую часть османской общности, как и турки. Чтобы избежать нудного повторения слова «османский», в этой книге я употребляю слова «османский» и «турецкий» как взаимозаменяемые, особенно в отношении армии. В тех же случаях, когда мне нужно указать на какую-либо этническую или религиозную общину, не относящуюся к турецкому большинству, я использую термины «османские арабы» или «османские армяне».

Что касается городов Османской империи, то я, как правило, прибегаю к их современным турецким, а не классическим европейским названиям. Например, я пишу «Стамбул», а не «Константинополь», «Измир», а не «Смирна», и «Трабзон», а не «Трапезунд». Таким образом читателям легче найти эти города на современных картах. По той же причине я использую принятое на Западе написание названий арабских городов — например, Бейрут, Дамаск, Мекка и Медина, а не Байрут, Димашк, Макка и Мадина.

Предисловие

Младший капрал Джон Макдональд погиб на Галлиполийском полуострове 28 июня 1915 года. Ему было 19 лет, и он был моим двоюродным дедом.

Ничто в жизни Джона Макдональда не предвещало того, что он найдет смерть вдали от дома. Он родился в маленькой шотландской деревушке недалеко от Перта и учился в школе в соседнем городке Доллар, где познакомился с Чарльзом Бевериджем, который стал его лучшим другом. В 14 лет они вместе бросили школу и начали искать работу. Двое друзей переехали в Глазго, где устроились в Северную британскую локомотивную компанию. Когда летом 1914 года в Европе разразилась война, Беверидж и Макдональд вместе записались в полк Шотландских стрелков (которых также называли «Камеронцы»). Рвущиеся в бой новобранцы 8-го полка Шотландских стрелков всю осень занимались военной подготовкой, завидуя своим соотечественникам, которые уже воевали во Франции. Только в апреле 1915 года их батальон получил приказ об отправке на фронт — но не во Францию, а в Турцию.

Семнадцатого мая 1915 года Макдональд и Беверидж попрощались с семьями и друзьями и вместе со своим батальоном отплыли на греческий остров Лемнос, который служил плацдармом для британских и союзных войск перед отправкой на Галлиполийский полуостров. Всего месяц спустя после высадки союзного десанта на Галлиполи, 29 мая, они вошли в Мудросскую гавань на Лемносе, где увидели огромную армаду боевых кораблей и транспортных судов. Молодые новобранцы были поражены видом громадных дредноутов и супердредноутов. На многих судах виднелись следы тяжелых боев в Дарданеллах — корпуса пробиты турецкими снарядами, трубы искорежены.

Шотландцам дали две недели на то, чтобы привыкнуть к жаркому восточно-средиземноморскому лету, прежде чем идти в бой. В середине июня они отплыли из Мудросской гавани под приветственные крики солдат и матросов с палуб других судов. Только те, кому уже довелось быть на Галлиполи и кто знал, что ожидало молодых новобранцев, воздержались от приветствий. «Когда мы проплывали мимо судна с ранеными и больными австралийцами, — вспоминал один камеронец, — кто-то из наших бойцов прокричал им популярный в те времена девиз: “Разве мы пали духом? Нет!” И когда один австралиец крикнул в ответ: “Так скоро падете!” — наши парни опешили, хотя и восприняли его слова как шутку»¹.

Четырнадцатого июня батальон высадился на берег и четыре дня спустя был переброшен на передовую у Овражистого яра (Зигиндере, неподалеку от мыса Геллес). Под непрекращающимся артиллерийским и пулеметным огнем, которым был печально известен Галлипольский фронт, камеронцы стали нести в траншеях первые потери. К тому моменту, когда они получили приказ идти в атаку на турецкие позиции, от их юношеского энтузиазма не осталось и следа. Как вспоминал один офицер: «Было ли то предчувствием или же просто напряжением из-за осознания той ответственности, которая отныне легла на их плечи, но я не чувствовал среди своих солдат ни бодрости духа, ни веры в победу»².

Двадцать восьмого июня атаке британской пехоты предшествовали два часа артиллерийского обстрела из корабельных орудий. По словам очевидцев, это не дало никакого результата — обстрел был слишком слабым, чтобы заставить решительно настроенных османских солдат покинуть свои оборонительные позиции. Штурм начался ровно в 11 часов утра. Как и на Западном фронте, солдаты выбрались из окопов под визгливые звуки свистков. Перебравшись через бруствер, камеронцы попали под шквальный огонь со стороны турецких траншей. В течение пяти минут батальон шотландских стрелков был почти полностью уничтожен. Джон Макдональд скончался от полученных ран в полевом госпитале и был похоронен на Ланкаширском кладбище. Чарльза Бевериджа сразила пуля, вне досягаемости для санитаров. Его останки нашли только после заключения перемирия в 1918 году, когда его кости уже невозможно было отличить от костей других погибших рядом солдат. Он был похоронен в братской могиле, и его имя выгравировано на огромном обелиске на мысе Геллес.

Трагическая судьба камеронцев потрясла их семьи и друзей в Шотландии. Школа «Доллар академи» опубликовала в осеннем выпуске школьного журнала некролог о Джоне Макдональде и Чарльзе Беверидже. В статье написали об их дружбе: «Они вместе учились, вместе работали, вместе записались в армию и даже вместе встретили смерть... Это были достойнейшие молодые люди, и они нашли достойную смерть на поле боя». В некрологе выражалось также глубокое и искреннее сочувствие их родителям.

Но горе оказалось сильнее, чем те могли вынести. Через год после гибели своего единственного сына чета Макдональдов приняла решение эмигрировать из Шотландии в Соединенные Штаты. В июле 1916 года, когда немецкие подводные лодки ненадолго прервали свою «неограниченную подводную войну», они вместе с двумя дочерьми сели на корабль с мучительным для них названием «Камерония» и отплыли в Нью-Йорк. В Шотландию, откуда их сын ушел на войну, они никогда больше не вернулись. В конце концов семья осела в штате Орегон, где позже моя бабушка по материнской линии вышла замуж и родила мою мать и моего дядю. В какой-то мере они и все их потомки, включая меня, появились на свет благодаря преждевременной смерти Джона Макдональда.

Моя личная связь с Первой мировой войной вовсе не уникальна. Опрос, проведенный в 2013 году в Великобритании агентством YouGov, показал, что у 46 процентов британцев члены семьи или близкие друзья семьи воевали на фронтах этой войны. Такие личные связи объясняют устойчивый интерес к Первой мировой, сохраняющийся на Западе на протяжении вот уже целого столетия. В странах, которые оказались втянутыми в этот конфликт, очень мало семей осталось не затронутым³.

Я узнал историю своего двоюродного деда в 2005 году, когда готовился к поездке на Галлиполийский полуостров. Моя мать Маргарет, мой сын Ричард и я — представители трех поколений — стали первыми за без малого 100 лет членами семьи, посетившими могилу Джона Макдональда. Пробираясь по извилистым тропам Галлиполийского полуострова к кладбищу на месте высадки Ланкаширского десанта, мы случайно свернули не в том месте и вышли к мемориалу Нури Ямут, установленному в честь османских солдат, погибших 28 июня — в том же сражении, которое унесло жизни моего двоюродного деда и его друга.

Этот памятник турецким солдатам, погибшим в битве у Овражистого яра (или в битве у Зигиндере, как называют ее турки), стал для меня настоящим откровением. Тогда как полк, где служил мой двоюродный дед, потерял 1400 человек убитыми и ранеными — половину своего личного состава, — а общие потери британцев составили 3800 человек, турки потеряли в этом сражении 14 000 человек. Мемориал Нури Ямут — это братская могила, где под общей мраморной плитой с простой надписью «Приняли мученическую смерть в 1915 г.» погребены эти тысячи павших османских солдат. Во всех прочитанных мною книгах то сражение с участием камеронцев описывалось как кровавая бойня, приведшая к напрасной гибели сотен британских солдат. Ни один из англоязычных источников не упоминал о тысячах турок, погибших в том же бою. Для меня было потрясением узнать, что в тот день, 28 июня, не только семьи в Шотландии, но и в десятки раз больше турецких семей потеряли своих близких.

Я покинул Галлиполийский полуостров, пораженный тем, как мало мы на Западе знаем об участии турецкого и арабского народов в Первой мировой войне. Все англоязычные книги, посвященные ближневосточным фронтам, отражают исключительно опыт союзных войск. Галлиполийская кампания неизменно представляется как «фиаско Черчилля», эпизод в Эль-Куте (Кут-эль-Амаре) — как «капитуляция Таунсенда», легендарный Лоуренс Аравийский — как главный вдохновитель арабского восстания, а рассказы о Месопотамской и Палестинской кампаниях завершаются торжественным описанием «вступления генерала Моде в Багдад» и «вступления генерала Алленби в Иерусалим» соответственно. Стремясь порвать с иерархическим подходом официальной истории, социальные историки изучают дневники и письма простых солдат, хранящиеся в архивах Имперского военного музея в Лондоне, Австралийского военного мемориала в Канберре и библиотеки Александра Тернбулла в Веллингтоне. За 100 лет исследований мы воссоздали исчерпывающую картину Первой мировой войны глазами солдат Антанты, но только начинаем делать попытки взглянуть на эту войну с другой стороны линии фронта — глазами османских солдат, вынужденных отчаянно сражаться против самых могущественных мировых держав.

На самом деле взглянуть на ближневосточные фронты из османских окопов — довольно непростая задача. Несмотря на десятки военных дневников и мемуаров, опубликованных на турецком и арабском,

мало кто из западных историков владеет этими языками, чтобы прочитать свидетельства очевидцев, и лишь очень малая часть этих первоисточников переведена на английский язык. Архивные материалы еще менее доступны. В Архиве дирекции военной истории и стратегических исследований Генерального штаба (Askeri Tarih ve Stratejic Etüt Başkanlığı Arşivi, сокращенно ATASE) хранится крупнейшее собрание оригинальных документов времен Первой мировой войны. Однако доступ в ATASE строго контролируется. Поскольку архив функционирует при Генштабе, ученые должны проходить проверку на благонадежность, которая может растянуться на несколько месяцев — и зачастую заканчивается отказом. Значительная часть этого архива закрыта для исследователей, а копирование доступных материалов жестко ограничено. Тем не менее ряд турецких и западных ученых получили доступ к этим бесценным свидетельствам и начинают публиковать важные исследования участия Османской империи в Первой мировой войне. Что же касается других государств Ближнего Востока, то в большинстве из них национальные архивы были созданы уже после войны, да и те придают мало значения сбору материалов, посвященных этому периоду истории⁴.

Игнорирование Первой мировой войны, характерное для арабских архивов, находит отражение и в арабском обществе в целом. В отличие от Турции, которая чтит память своих погибших солдат многочисленными обелисками на Галлиполийском полуострове и ежегодными мемориальными торжествами, на бывших арабских территориях империи вы не найдете ни одного военного мемориала. Хотя почти все современные арабские государства так или иначе участвовали в Первой мировой войне, в сознании их народов этот конфликт остался чужой войной — временем страданий, навязанных ему слабеющей Османской империей и фанатичным младотурецким правительством. В арабском мире Первая мировая война породила не героев, а мучеников — таких как арабские активисты, которые были повешены на центральных площадях Бейрута и Дамаска, впоследствии переименованных в «Площади мучеников».

Сегодня настало время дать заслуженную оценку событиям, происходившим на Османском фронте, как в свете истории Первой мировой войны, так и в свете истории современного Ближнего Востока. В конце концов именно вступление Османской империи в войну больше, чем что-либо другое, способствовало тому, что общеевропейский конфликт

перерос в мировой. В отличие от мелких стычек на Дальнем Востоке и в Восточной Африке, на Ближнем Востоке велись тяжелейшие сражения на протяжении всех четырех лет войны. Кроме того, ближневосточные фронты были самыми интернациональными — на них воевали австралийцы и новозеландцы, представители буквально всех народностей Южной Азии и Северной Африки, сенегальцы и суданцы, французы и англичане, уэльсцы, шотландцы, ирландцы, а также турки, арабы, курды, армяне, черкесы и, наконец, немцы и австрийцы. Османский фронт был настоящим Вавилонским столпотворением, где в бою сошлись армии со всех концов света.

Большинство военных стратегов Антанты отводили Османскому фронту второстепенную роль в сравнении с главным театром военных действий на Западном и Восточном фронтах. Влиятельные фигуры в британском военном кабинете, такие как Герберт Китченер и Уинстон Черчилль, лоббировали вступление в войну с турками, ошибочно исходя из уверенности, что быстрая победа над «самым слабым звеном» — Османской империей — позволит ускорить капитуляцию Центральных держав. Однако недооценка противника привела к тому, что государства Антанты были вынуждены втянуться в крупномасштабные военные кампании — на Кавказе, в Дарданеллах, Месопотамии и Палестине, — которые отвлекли колоссальные ресурсы с Западного фронта и лишь отсрочили окончание войны.

Неудачи союзников на Османском фронте спровоцировали серьезные политические кризисы во внутренней политике. Провал Дарданелльской кампании заставил британского премьер-министра от Либеральной партии Герберта Асквита в мае 1915 года создать коалиционное правительство с консерваторами, а в следующем году и вовсе уйти в отставку. Сокрушительные поражения британских войск на Галлиполи и в Месопотамии привели к созданию двух парламентских комиссий по расследованию. Доклады, подготовленные этими комиссиями, пошатнули карьеры многих ключевых политических и военных деятелей.

Если вступление Османской империи в европейский конфликт трансформировало его в мировую войну, то эта война, в свою очередь, привела к радикальной трансформации всего Ближнего Востока. Ни одна часть этого региона не избежала ее разрушительного воздействия. Военная мобилизация охватила все турецкие и арабские провинции Османской империи, а также европейские колонии Северной Африки. Сотни тысяч мужчин ушли на фронт, а оставшееся мирное

население было обречено на невероятные тяготы и лишения, эпидемии и голод. Военные действия велись на территориях таких современных государств, как Египет, Йемен, Саудовская Аравия, Иордания, Израиль и земли Палестины, Сирия, Ливан, Ирак, Турция и Иран. Большинство этих стран обрели государственность вследствие падения Османской империи после окончания Первой мировой войны.

Распад Османской империи стал эпохальным событием. На протяжении своего более чем шестивекового существования она была величайшей исламской империей в мире. Основанный в конце XIII века племенами Центральной Азии Османский султанат бросил вызов Византийской империи в Малой Азии и на Балканах, а после того, как султан Мехмед II завоевал в 1453 году византийскую столицу Константинополь, превратился в самую могущественную державу Средиземноморья.

Сделав Константинополь (впоследствии переименованный в Стамбул) своей столицей, османы продолжили завоевания. В 1516 году Селим I разгромил войска Мамлюкского султаната (со столицей в Каире) и присоединил к Османской империи Сирию, Египет и провинцию Хиджаз на Красном море. В 1529 году султан Сулейман Великолепный, сеявший страх по всей Европе, подступил к стенам Вены. Османы завоевывали новые земли до тех пор, пока победа христианского войска в последней битве за Вену в 1683 году не положила конец их экспансии в Европу. К этому времени Османская империя располагалась на трех континентах, ей принадлежали Балканы, Малая Азия (которую турки называют Анатолией), Черное море и большая часть арабских земель от Ирака до границ Марокко.

В течение следующих двух веков османы постепенно сдавали свои позиции перед быстро развивающейся Европой. Они начали проигрывать войны своим соседям — Российской империи, которой правила императрица Екатерина II, и Габсбургской империи — ее столицей была Вена, едва не ставшая когда-то турецкой. Начиная с 1699 года границы Османской империи стали сужаться под напором внешних врагов. В начале XIX века османы начали терять территории из-за подъема националистического движения в своих провинциях на Балканах. После восьмилетней войны против османского господства (1821–1829) первой добилась независимости Греция. Румыния, Сербия и Черногория обрели независимость в 1878 году, и примерно в то же время османы утратили Боснию, Герцеговину и Болгарию.

Великие державы продолжали отрезать куски от османского территориального пирога — с 1878 по 1882 год Британия оккупировала Кипр и Египет, в 1881 году Франция захватила Тунис, а в 1878 году Россия аннексировала три османские провинции на Кавказе. Принимая во внимание все внутренние и внешние территориальные угрозы, в начале XX века эксперты в вопросах международной политики предсказывали неизбежную гибель Османской империи. Однако группа патриотически настроенных молодых офицеров, называвших себя младотурками, считала, что империя может быть возрождена с помощью конституционной реформы. В 1908 году они предприняли попытку спасти государство, подняв восстание против самодержавной власти султана Абдул-Хамида II (правившего с 1876 по 1909 год). С приходом младотурок к власти Османская империя вступила в период беспрецедентной турбулентности и в конечном итоге была втянута в свою последнюю и самую разрушительную войну.

Карты

Карта 1. Средиземноморье в 1914 году

Карта 2. Восточная Анатолия и Кавказ

Карта 3. Галлиполийская кампании

Карта 4. Египет и Синай

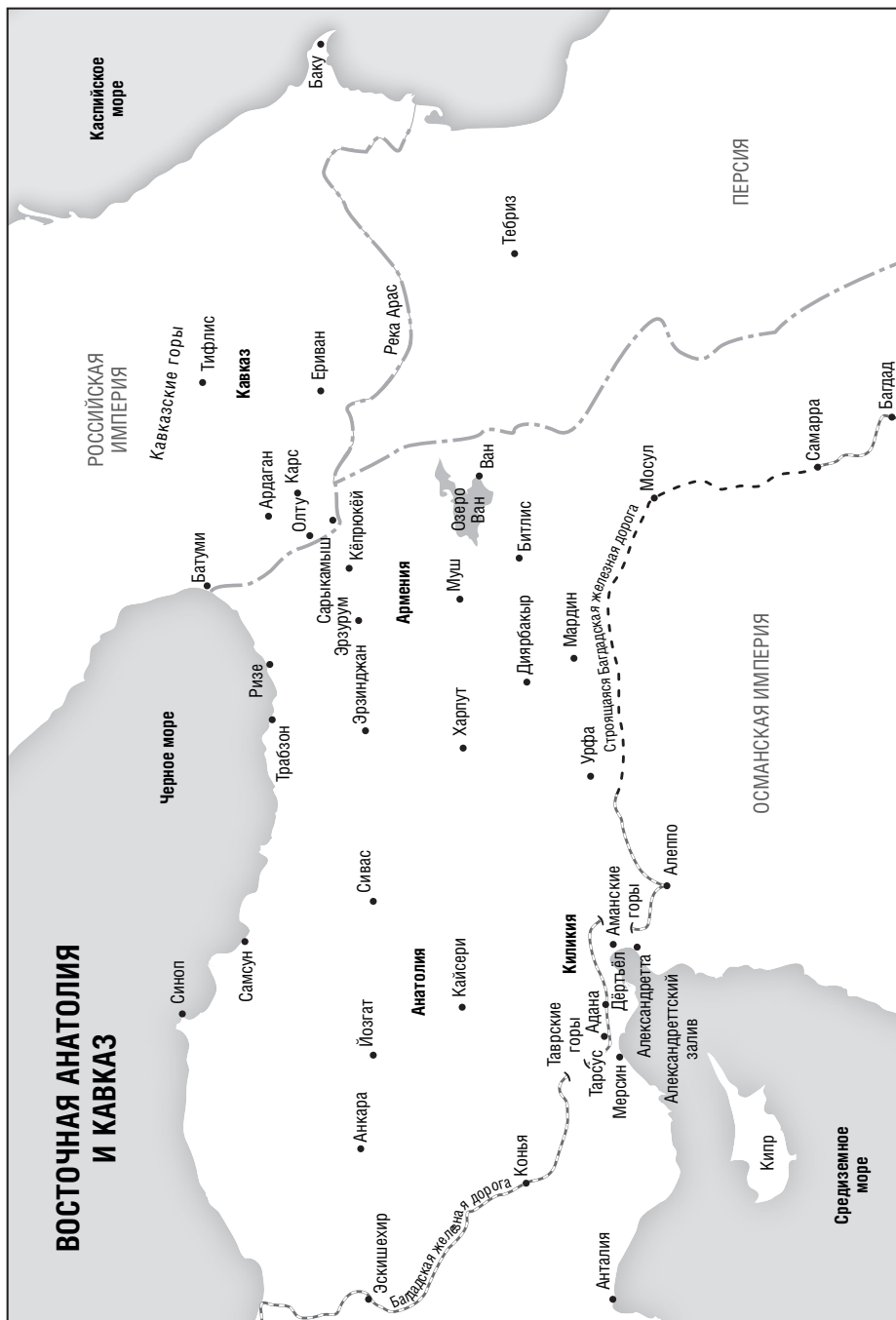
Карта 5. Месопотамия, Аден и Хиджаз

Карта 6. Сирия, Палестина и Трансиордания

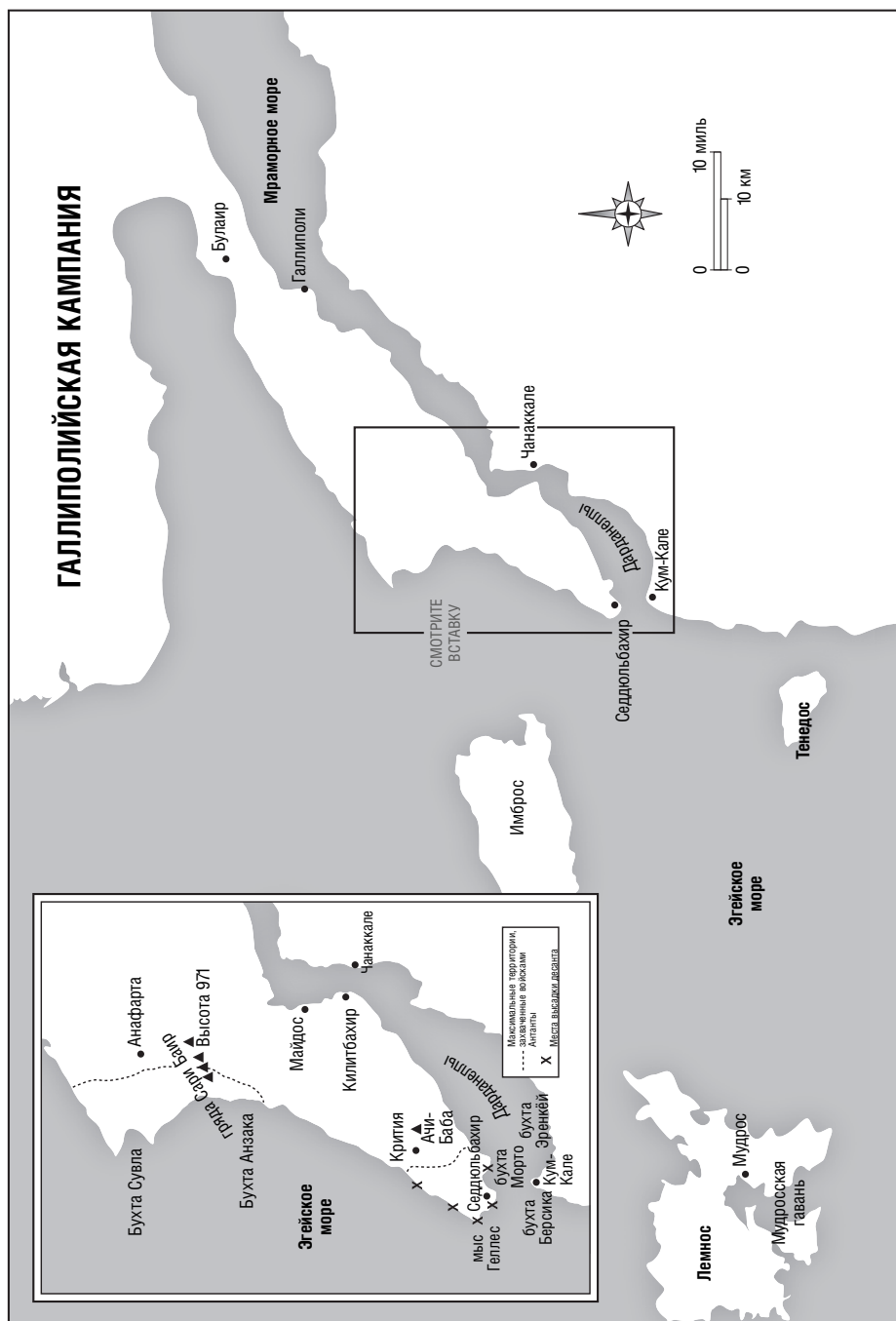

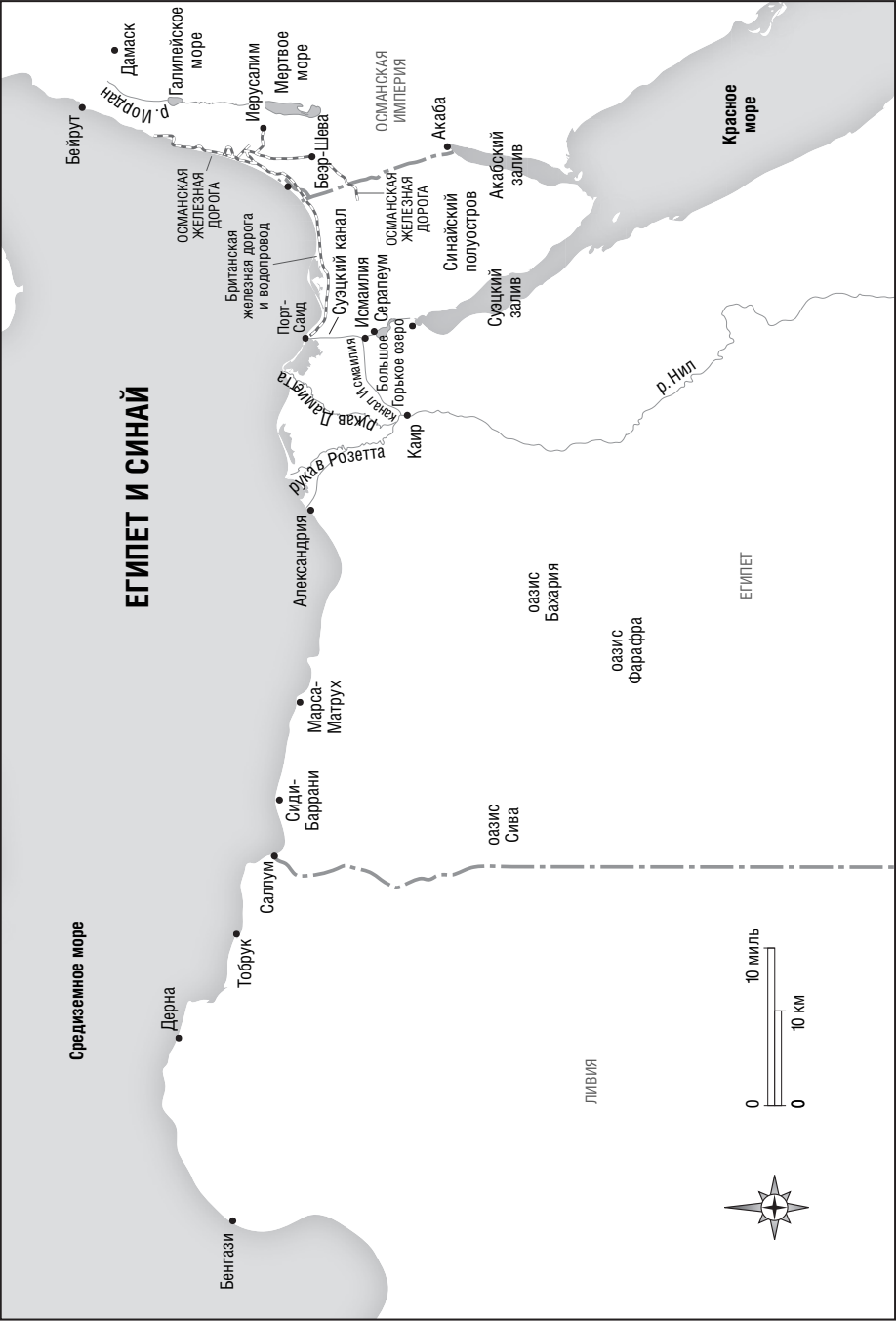
Карта 1: Средиземноморье в 1914 году

Карта 2: Восточная Анатолия и Кавказ

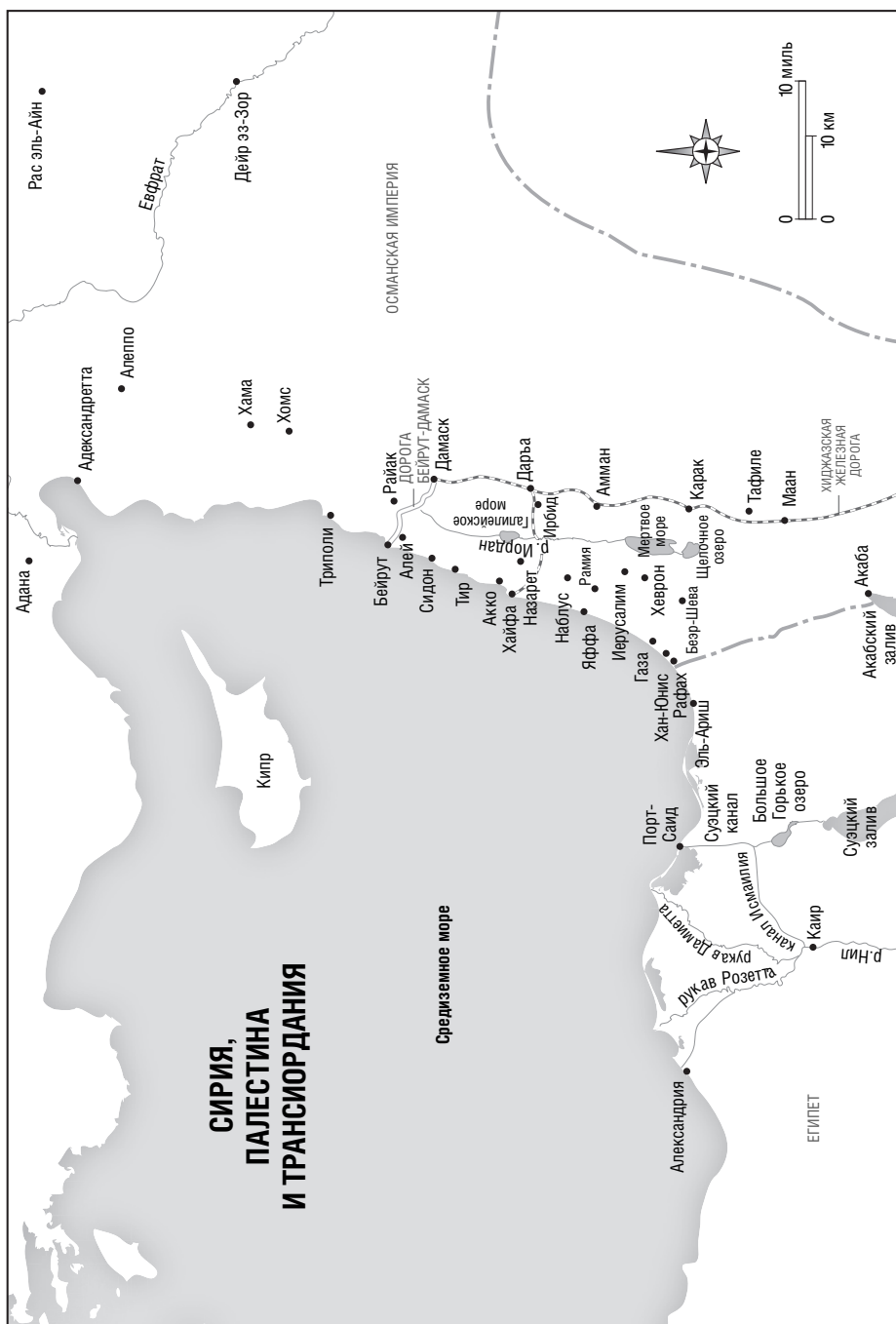
Карта 3: Галлиполийская кампания

Карта 4: Египет и Синай

Карта 5: Месопотамия, Аден и Хиджаз

Карта 6: Сирия, Палестина и Трансиордания

Революция и три войны 1908–1913 гг.

В период между 1908 и 1913 годами Османская империя столкнулась с серьезнейшими внутренними и внешними угрозами. Начиная с Младотурецкой революции 1908 года политические институты многовековой империи оказались под беспрецедентным давлением. Отечественные реформаторы хотели модернизировать империю в духе веяний XX века. В своем стремлении получить кусок османского территориального пирога могущественные державы Европы и зарождающиеся балканские государства осаждали империю непрерывными войнами. Армянские и арабские активисты пытались добиться большей автономии от слабеющего турецкого государства. Таковы были проблемы, стоявшие на повестке дня османского правительства к началу 1914 года и заложившие фундамент для участия империи в великой европейской войне.

Двадцать третьего июля 1908 года стареющий султан Абдул-Хамид II созвал экстренное заседание кабинета министров. Поводом для него стала серьезная внутренняя угроза — пожалуй, самая серьезная из всех, с которыми этому самодержавному правителю пришлось столкнуться за три десятилетия своего пребывания у власти. Османская армия в Македонии — этом крайне нестабильном балканском регионе, на сегодняшний день поделенным между Грецией, Болгарией и собственно Македонией, — подняла восстание, требуя восстановления конституции 1876 года и возвращения к парламентскому правлению. Надо заметить,

что султан знал положения конституции гораздо лучше своих оппонентов. После восшествия на османский престол в 1876 году одним из первых его шагов стало принятие конституции, являвшей собой кульминацию четырех десятилетий правительственных реформ, известных как Танзимат. Этот шаг принес молодому султану славу просвещенного реформатора. Однако последующие годы пребывания у власти превратили Абдул-Хамида из реформатора в жесткого абсолютиста.

Вероятно, абсолютизм Абдул-Хамида стал результатом череды кризисов, с которыми молодой султан столкнулся в самом начале своего правления. Унаследованная им от предшественников империя находилась в ужасающем состоянии. В 1875 году Османское казначейство объявило о банкротстве, и европейские кредиторы поспешили ввести экономические санкции против турецкого правительства. После жестокого подавления восстания болгарских сепаратистов в 1876 году — событий, которые западная пресса назвала «болгарские ужасы»¹, — османы столкнулись с растущей враждебностью со стороны европейского общественного мнения. Под влиянием лидера британских либералов Уильяма Гладстона Великобритания резко осудила действия Турции. Кроме того, назревала война с Россией. Правители империи были не в силах противостоять растущему давлению, и в том же году влиятельная группа военных-реформаторов заставила султана Абдул-Азиза, правившего империей с 1861 года, отречься от престола. Менее чем через неделю он был найден у себя дома с перерезанными венами. Официально объявили, что султан совершил самоубийство. Его преемник Мурад V правил империей недолго — спустя всего три месяца его поразило сильнейшее нервное расстройство. На этом-то зловещем фоне 31 августа 1876 года 33-летний Абдул-Хамид вззошел на престол.

На молодого султана немедленно обрушилось сильнейшее давление со стороны влиятельных членов кабинета министров, которые убеждали его принять либеральную конституцию и учредить выборный парламент с представителями мусульманской, христианской и еврейской общин, чтобы избежать дальнейшего вмешательства европейцев во внутренние дела Османской империи. Довольно скоро Абдул-Хамид уступил требованиям правительственных реформаторов, хотя и сделал

¹ В начале сентября 1876 года Уильям Гладстон издал брошюру «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» (The Bulgarian Horrors and the Question of the East). — Прим. ред.

это больше из прагматических соображений, нежели из убеждений. Двадцать третьего декабря 1876 года он обнародовал конституцию Османской империи, а 19 марта 1877 года открыл первое заседание избранного парламента. Однако не успел парламент начать свою работу, как империя оказалась втянута в разрушительную войну с Россией.

Считая себя преемницей Византии и духовным лидером Восточной православной церкви, Российская империя преследовала завоевательные цели. Она жаждала заполучить османскую столицу Стамбул, которая до 1453 года была столицей Византийской империи — Константинополем — и центром православного христианства. Но дело было не только в культурных и духовных притязаниях. Вместе со Стамбулом русские получили бы контроль над стратегическими проливами Босфором и Дарданеллами, соединявшими российские черноморские порты со Средиземным морем. На протяжении всего XIX века европейские соседи России делали все возможное для того, чтобы не выпустить ее флот за пределы Черного моря, сохраняя территориальную целостность Османской империи. Потерпев неудачу в попытках завоевать Стамбул и проливы, русские решили реализовать свои территориальные планы, периодически ведя войны с Османской империей, а также используя в своих интересах балканские национально-освободительные движения. К концу 1876 года волнения в Сербии и Болгарии предоставили России благоприятную возможность для начала очередной завоевательной войны. Заручившись нейтралитетом со стороны Австрии и согласием Румынии пропустить войска через свою территорию, в апреле 1877 года Россия объявила войну Османской империи.

Царские войска начали стремительно продвигаться вглубь османских земель сразу по двум фронтам — на Балканах и со стороны Кавказа, в Восточной Анатолии, массово уничтожая на своем пути мирных жителей. Действия русских вызвали взрыв негодования у населения Османской империи. Умело воспользовавшись происламскими настроениями, султан Абдул-Хамид II сумел мобилизовать османское общество на войну с русскими. Он поднял знамя пророка Мухаммеда, которое хранилось в Стамбуле с тех пор, как в XVI веке османы захватили арабские земли, и объявил джихад, или священную войну, против России. Население сплотилось вокруг султана-воина, и в армию потекли потоки добровольцев и денежных пожертвований, благодаря чему османам удалось остановить дальнейшее продвижение русских войск по турецкой территории.

Между тем, пока Абдул-Хамид пытался получить народную поддержку, члены парламента все жестче критиковали действия правительства в военном конфликте. Несмотря на объявленный султаном джихад, в конце 1877 года русские возобновили наступление и в конце января 1878 года дошли до предместий Стамбула. В феврале султан срочно созвал парламентариев, чтобы провести консультации по поводу дальнейших действий, однако услышал лишь горький упрек от одного из депутатов, главы эснафа (гильдии) пекарей: «Сейчас слишком поздно спрашивать наше мнение. Это следовало сделать тогда, когда катастрофу еще можно было предотвратить. Теперь же парламент снимает с себя всякую ответственность за ситуацию, к которой не имеет никакого отношения». Судя по всему, эти слова пекаря убедили султана в том, что парламент является скорее помехой, нежели подмогой в деле спасения нации. И уже на следующий день Абдул-Хамид приостановил действие конституции, распустил парламент и поместил некоторых из наиболее влиятельных депутатов под домашний арест. Управление государством он взял полностью в свои руки. Но к тому моменту военная ситуация стала безысходной, и в январе 1878 года молодой султан был вынужден подписать мирный договор с русскими войсками, стоявшими у ворот его столицы¹.

Согласно мирному договору и последующему Берлинскому трактату, подписанному на конгрессе, который прошел в Берлине в июне–июле 1878 года, Османская империя понесла огромные территориальные потери. Конгресс, в котором приняли участие ведущие европейские державы, включая Великобританию, Францию, Австро-Венгрию и Италию, преследовал цель разрешить не только вопросы, связанные с русско-турецкой войной, но и многие балканские конфликты. По условиям Берлинского трактата Османская империя теряла две пятых своей территории и одну пятую населения на Балканах и в восточной Анатолии. Среди прочего Россия получала три провинции в Кавказском регионе — Карс, Ардаган и Батуми, — которые турецкие мусульмане считали сердцем Османской империи и с потерей которых не могли смириться. Эти земли стали своего рода османской Эльзас-Лотарингией.

Но тем дело не закончилось. Урезанная Берлинским трактатом, Османская империя продолжила терять территории. В 1881 году Франция оккупировала Тунис. В 1878 году Великобритания сделала Кипр своей колонией, а после вмешательства в египетский кризис в 1882 году взяла эту автономную османскую провинцию под свое правление.

По всей видимости, эти территориальные потери убедили султана Абдул-Хамида II в том, что сильная власть — это единственный способ защитить свою империю от дальнейшего расчленения амбициозными европейскими державами. К его чести надо сказать, что в период между 1882 и 1908 годами османские владения оставались нетронутыми, хотя их целостность и сохранялась за счет политических прав граждан.

Автократический стиль правления Абдул-Хамида привел к формированию оппозиционного движения, получившего название «Младотурки». Это была коалиция широкого спектра партий, объединенных общими целями, такими как ограничение султанского абсолютизма, восстановление конституционного порядка и возвращение к парламентской демократии. Одной из ключевых партий под эгидой младотурок была организация «Единение и прогресс» — тайное общество гражданских и военнотурецких, созданное в начале 1900-х годов. Хотя партия «Единение и прогресс» имела отделения по всей Османской империи, в турецких и арабских провинциях она подвергалась суровым гонениям. Поэтому к 1908 году большая часть партийной деятельности была сосредоточена в сохранившихся османских владениях на Балканах — в Албании, Македонии и Фракии².

В июне 1908 года султанские шпионы раскрыли ячейку «Единения и прогресса» в Третьей османской армии в Македонии. Перед лицом угрозы суда военные решились на активные действия. Третьего июля 1908 года лидер партийной ячейки майор Ахмед Ниязи-бей возглавил отряд из двух сотен хорошо вооруженных военных и гражданских лиц и поднял мятеж, потребовав от султана восстановить действие конституции 1876 года. Бунтовщики были готовы погибнуть, однако выдвинутые ими требования как нельзя лучше отвечали настроениям широкой общественности. Движение получило народную поддержку и стало набирать обороты. Пламя восстания охватывало целые македонские города, которые один за другим заявляли о своей приверженности конституции. Один из офицеров из числа младотурок, подполковник Исмаил Энвер — впоследствии прославившийся просто как Энвер — провозгласил конституцию в городах Кёпрюлю и Тиквеш. Третья османская армия угрожала двинуться на Стамбул, чтобы «принести» конституцию в имперскую столицу.

Уже через три недели революционное движение приобрело такой размах, что султан больше не мог рассчитывать на своих военных при подавлении македонского мятежа. Осознавая чрезвычайность

ситуации, 23 июня он созвал экстренное заседание кабинета министров. Они собрались в «Звездном дворце» (Йылдыз-сарай), возвышающемся на вершине холма в европейской части Стамбула с живописным видом на Босфор. Однако запуганные 65-летним султаном министры боялись затронуть ключевой вопрос о восстановлении конституционного правления. Вместо того чтобы искать пути преодоления кризиса, они принялись за поиски виноватых.

После нескольких часов бесплодных дискуссий Абдул-Хамид решительно прервал уклончивые речи своих министров. «Я последую воле народа, — заявил он. — В свое время именно я принял первую конституцию. Потом из соображений необходимости мне пришлось приостановить ее действие. Теперь я поручаю кабинету подготовить прокламацию о восстановлении конституции». С огромным облегчением министры бросились выполнять приказ султана и немедленно разослали по всем провинциям телеграммы, возвещающие о начале второй конституционной эпохи. Благодаря тому, что младотуркам удалось принудить султана восстановить конституционное правление, их мятеж получил название «Младотурецкая революция»³.

Страна не сразу осознала всю значимость этого события. Газеты напечатали новость без громких заголовков и комментариев: «По приказу его Императорского Величества, в соответствии с положениями конституции в стране вновь созван парламент». Поскольку мало кто удосуживался читать строго цензурируемую имперскую прессу, прошло целых 24 часа, прежде чем жители страны отреагировали на это известие. Двадцать четвертого июля толпы народа начали собираться на площадях Стамбула и провинциальных городов по всей империи, чтобы отпраздновать возвращение к конституционному строю. Энвер отправился на поезде в Салоники (город в современной Греции), центр движения младотурков, где толпы ликующих людей приветствовали его как «героя свободы». На платформе вместе с Энвером находились его соратники по борьбе — подполковник Ахмед Джемаль, военный инспектор Османских железных дорог, и Мехмед Талаат, почтовый клерк. Оба они занимали высокие посты в партийной иерархии «Единения и прогресса» и, как и Энвер, были известны просто как Джемаль и Талаат. «Энвер, — кричали они, — ты — наш Наполеон!»⁴

В последующие дни улицы османских городов расцвелись красно-белыми знаменами с революционным лозунгом «Справедливость, равенство, братство», а городские площади по всей империи были